

Родина Мария Вячеславовна

**БИБЛЕЙСКИЙ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ В
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ К. С. ЛЬЮИСА "THE LAST BATTLE" (ИЗ ЦИКЛА "THE
CHRONICLES OF NARNIA")**

Статья посвящена исследованию библейского эсхатологического мифа в структуре повествования хроники "The Last Battle" ("Последняя битва"), которая является заключительной повестью фантастического цикла К. С. Льюиса "The Chronicles of Narnia" ("Хроники Нарнии"), и его влияния на формирование глубинного смысла данной повести.

Автор анализирует явление прецедентности в названной сказочной повести, а также выделяет маркеры интертекстуальных связей, присутствующих в льюисовском тексте в разной форме и на разных уровнях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 168-171. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

10. Gosciny R., Uderzo A. La serpe d'or. Paris: Hachette, 1997. 48 p.
11. Gosciny R., Uderzo A. Le bouclier arverne. Paris: Hachette, 2004. 48 p.
12. Gosciny R., Uderzo A. Le tour de Gaule d'Astérix. Paris: Hachette, 1997. 48 p.
13. Lacassin F. Pour un neuvième art: la B. D. Paris: Edition Slatkine, 1982. 508 p.
14. Larousse Poche. Paris: Editions Larousse, 2008. 1034 p.
15. Uderzo A. De Flammerie à Astérix. Philippsen, 1985. 270 p.

STRUCTURAL AND LINGUISTIC FEATURES OF FRENCH COMICS AS CREOLIZED TEXT

Reznikova Aleksandra Ivanovna
 Moscow City Teachers' Training University
 reznikova-aleksandra@mail.ru

The article analyzes the various definitions of comics, presents the structure of comics as a creolized text, emphasizes the structural and linguistic (phonetic, morphological, lexical) features of the French comics, which play an important role when using it in teaching the French language and the formation of cross-cultural competence. Comic book is considered as "obligatory work of art" that represents the features of the French national character.

Key words and phrases: comics; structure of comics; creolized text; linguistic features of comics; obligatory work of art.

УДК 8

Филологические науки

Статья посвящена исследованию библейского эсхатологического мифа в структуре повествования хроники «The Last Battle» («Последняя битва»), которая является заключительной повестью фантастического цикла К. С. Льюиса «The Chronicles of Narnia» («Хроники Нарнии»), и его влияния на формирование глубинного смысла данной повести. Автор анализирует явление прецедентности в названной сказочной повести, а также выделяет маркеры интертекстуальных связей, присутствующих в льюисовском тексте в разной форме и на разных уровнях.

Ключевые слова и фразы: прецедентный текст; прецедентные феномены; прецедентная ситуация; инвариант; константный интекст; осевые тексты; библейский эсхатологический миф; библейские мотивы и образы.

Родина Мария Вячеславовна

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
 marija.marianna1987@yandex.ru

БИБЛЕЙСКИЙ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ В ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ К. С. ЛЬЮИСА «THE LAST BATTLE» (ИЗ ЦИКЛА «THE CHRONICLES OF NARNIA»)[©]

Как известно, термин «прецедентный текст» ввёл Ю. Н. Караулов для обозначения текстов, которые он определял как «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношениях <...>, известные и окружению данной личности, включая и предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно» [1, с. 216]. По мысли исследователя, такие тексты являют собой «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образцы, мерки для сопоставления»; обычно они используются в качестве инструмента, который делает возможным «переключение из «фактологического» контекста мысли в «ментальный» <...> и обратно» [Там же].

Другие исследователи видят в прецедентных текстах «самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативную единицу; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу», обращение к которому «многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или символы» [3, с. 64]. Они выделяют два компонента определения прецедентных текстов. **Первый** предполагает их известность широкому кругу людей, **второй** – наличие инварианта восприятия, что являет собой «структурную совокупность минимизированных и национально-детерминированных представлений о прецедентном тексте (включая коннотации, с текстом связанные)». Инвариант «относится к числу феноменов вербализуемых, поэтому апелляция к прецедентному тексту осуществляется через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена» [2, с. 52, 58].

Существуют так называемые «центральные», или «осевые» тексты, т.е. произведения, которые «чаще других читаются, перечитываются, упоминаются, цитируются, интерпретируются на протяжении исторически значимого отрезка времени» [10, с. 43]. В их число, входят тексты Священного Писания, что во все времена были тем «смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты» [8, с. 148]. В качестве примера, подтверждающего эту мысль, обратимся к творчеству К. С. Льюиса, в котором «основой смыслопорождения» и «структурообразующим компонентом текста» [4, с. 14] выступает именно библейский миф. Например, в основе сказочной повести «The Last Battle» («Последняя битва») из цикла

«The Chronicles of Narnia» («Хроники Нарнии») лежит эсхатологический миф, изложенный в Евангелии и Апокалипсисе. При этом автор переосмысливает библейский текст, вводя новые сюжеты и создавая новые ситуации, в которые помещает героев, наделённых самыми разными чувствами, но оставляет инвариантной его ведущую идею: мир, погрязший во грехе, должен сгореть в огне Страшного Суда, после чего наступит «золотой век», которому уже не будет конца. Этот инвариант является «константным интекстом, поскольку восстанавливает прецедентную ситуацию» [13, с. 24]. Мы рассмотрим, каким образом прецедентная ситуация, описанная в библейском эсхатологическом мифе, восстанавливается в тексте льюисовской хроники.

Прежде всего, интертекстуальность у Льюиса проявляется **на уровне персонажей**. Центральной фигурой библейского эсхатологического мифа можно назвать фигуру Антихриста, господство которого придётся на эпоху, непосредственно предшествующую Второму Пришествию Спасителя. Согласно текстам Писания, она будет отмечена «полным отрицанием общественных, моральных и религиозных ценностей» [9, с. 73], а потому в некотором смысле равнозначна возвращению к Хаосу. Эта эпоха и наступает в Нарнии Льюиса, где роль Антихриста отведена Обезьяну по имени «*Shift*». Именно он становится виновником трагедии, разыгравшейся в волшебной стране «на излёте веков», о чём свидетельствует сама семантика его имени (одно из значений слова «*shift*» – «*a change in position, direction or tendency*», русск. «*изменение, сдвиг*» [11, с. 677]), спровоцировав резкую «смену курса», радикальный «сдвиг», в плане символическом ассоциируемый с изменой своему истинному предназначению и в глазах самых преданных жителей равнозначный космической катастрофе: «*It is as if the sun rose one day and were a black sun. <...>. Or as if you drank water and it were dry water*» [14, р. 682]. / «Как будто взошло солнце, и солнце это чёрное. <...>. Как будто ты пьёшь воду, и это сухая вода» [5, с. 733] (*Здесь и далее пер. Е. Доброхотовой-Майковой*). Использование оксюморонных сочетаний «*a black sun*» и «*dry water*» глубоко символично: вводя зловещие образы «чёрного солнца» и «сухой воды», автор даёт понять, что речь идёт о некой жуткой аномалии, потрясшей самые основы мироздания. Читатель осознаёт, какой непроницаемый мрак стулится в душе нарнийцев с приходом к власти самозванного «Аслана»: для них это полный крах надежд, окончательный разрыв с изначальной красотой и гармонией жизни и более того – с самой жизнью.

Анализ других дефиниций названного имени позволяет вскрыть такие черты героя, как лживость, лицемерие и изворотливость, т.к. значение существительного «*shift*» – прежде всего «*an ingenious or devious device or strategem*» [15, р. 1642], «*хитрость, уловка*» [11, с. 677], «*искусно продуманный и реализованный нечестным путём план*», а глагол «*to shift*» переводится именно как «*изворачиваться, юлить*». Именно этим занимается персонаж Льюиса на протяжении всей повести: надев на ослика львиную шкуру, Обезьян заставляет его изображать Аслана и правит страной, а точнее – творит произвол, прикрываясь именем Льва, подобно тому, как выдаёт себя за Творца вселенной описанный в Апокалипсисе «человек греха». Придя к власти, герой начинает отдавать приказы, повергающие жителей волшебной страны в полную растерянность – они уже не в состоянии понять, кому верить. Долгое время нарнийцы и не подозревают о том, что их вводят в заблуждение, а лишь скорбят и недоумевают, чем бы они могли прогнать Златогривого Льва, что он стал к ним столь безжалостен. Не находя видимых причин столь резкой перемены, они пытаются объяснить её тем, что «*Aslan is not a tame lion*» / «Он же (Аслан – курсив мой, М. Р.) не ручной лев» [5, с. 729], а следовательно, волен делать решительно всё, что пожелает. В свою очередь Обезьян боится любых вопросов со стороны нарнийцев, а когда те стараются вызвать его на остроконечный разговор, он сразу же пресекает эти попытки. Например, в ответ на просьбу говорящих зверей разрешить им побеседовать с Асланом лицом к лицу, как раньше («*But why can't we see Aslan properly and talk to him? <...>. When he used to appear in Narnia in the old days everyone could talk to him face to face*» [14, р. 684]. / «Нет, почему мы не можем видеть Аслана и говорить с ним? <...>. Когда в старые времена он появлялся в Нарнии, все могли говорить с ним лицом к лицу» [5, с. 735]. Обезьян сперва пытается оспорить сам факт, что такое общение было реально возможно, а через минуту придумывает новую ложь: «*And even if it was true, times have changed. Aslan says he's been far too soft with you before*» [14, р. 684]. / «Даже если это и было, времена меняются. Аслан говорит, что был слишком мягок с вами» [5, с. 735]. Нередко он начинает «сыпать» угрозами и оскорблениями: «*I'm a Man: you're only a fat, stupid old Bear. What do you know about freedom? You think freedom means doing what you like. Well, you're wrong. <...>. True freedom means doing what I tell you*» [14, р. 685]. / «Я человек, а ты – толстый, глупый, старый медведь. Что ты понимаешь в свободе? Вы все думаете, свобода – это делать, что заблагорассудится. Нет. <...>. Настоящая свобода – делать, что я вам велю» [5, с. 737]. Кроме того, обезьяний облик сближает героя с самим «князем тьмы» – Льюису было известно изречение Бл. Августина о том, что «Дьявол есть обезьяна Бога», ибо плодит зло и стремится исказить замысел Творца подобно тому, как Тот творит добро.

В какой-то момент дальнейшее движение становится возможным лишь в сторону смерти и разрушения, что подтверждается самим ходом повествования: из-за предательства Обезьяны враждебные Нарнии тархистанцы завоёвывают её, и она погибает. То, что от неё остаётся, сперва делается пищей монстров, которые «*went to and fro tearing up the trees by the roots and crunching them up as if they were sticks of rhubarb. Minute by minute the forests disappeared. The whole country became bare and you could see all sorts of things about its shape - all the little humps and hollows which you had never noticed before. <...>. You could hardly believe that anything had ever lived there*» [14, р. 752]. / «<...> бродили туда-сюда, вырывали с корнями деревья и ломали их, словно стебли ревеня. В считанные минуты лес исчез, страна сделалась голой, стали видны все неровности, все эти пригорки и лощинки, незаметные прежде. Трава исчезла. <...>. Трудно было поверить, что когда-либо здесь что-то жило и росло» [5, с. 817-818]. А затем огромная стена морской воды навсегда погребает скопившееся за время господства Обезьяны зло: «*You could see all the rivers getting wider and the lakes getting larger, and separate lakes joining into one, and valleys turning into new lakes, and hills turning into islands, and then those islands vanishing. And the high moors to their left and the higher mountains to their right crumbled and*

slipped down with a roar and a splash into the mounting water» [14, p. 752]. / «Было хорошо видно, <...>, как разливаются реки, как озёра становятся шире, сливаются в одно, долины превращаются в новые озёра, а холмы – в острова и острова эти исчезают. И вересковые пустоши слева от них, и высочайшие горы справа от них с грохотом и плеском осыпались, сползли в бушующие волны [5, с. 818]. Здесь очевидна связь с мифом о Всемирном Потопе, воды которого некогда истребили заразу греха, поразившую всё живое.

Однако этому моменту предшествует целый ряд трагических событий, подобных тем, что описаны в Евангелиях от Матфея и Луки: именно к ним явно отсылает описание происходящего в волшебном мире «последних времён». Эти **аллюзии** также выделим в качестве маркеров присутствующих в тексте интертекстуальных связей.

Например, война Тархистана против Нарнии ассоциативно отсылает к евангельским пророчествам: «*Встанет народ на народ и царство на царство*», «*И по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь*» [12, с. 87, 275]. Переосмысляя слова Иисуса о том, что Бог «*пошлёт Ангелов Своих с трубою громогласною*» [Там же, с. 89] встретить избранных Его и созвать людей на Суд, писатель вводит образ Отца Времени, который трубит в рог, издавая звук «*of a strange, deadly beauty*» [14, p. 753] / «полный странной и страшной красоты» [5, с. 814], и возвещая конец истории. Христово предупреждение, что тогда «*солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звёзды падут с неба*» [12, с. 89] находит выражение в картине из 14-й главы «Последней битвы»: «*All the stars were falling: <...> these were dozens, and then scores, and then hundreds, till it was like silver rain: and it went on and on*» [14, p. 749] / «В то же мгновение небо наполнилось падающими звёздами. <...> их были десятки, сотни, и вот они полились нескончаемым серебряным дождём» [5, с. 814-815]; «*He took the Sun and squeezed it in his hand <...>. And instantly there was total darkness*» [14, p. 749-750]. / «Он взял солнце и сжал его, как апельсин. И тут же наступила полная тьма» [5, с. 819]. Евангелист Лука пишет, что в те дни на земле воцарится «*уныние народов и недоумение*», когда люди начнут искать смерти и «*говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас!*» [12, с. 276] – столь же мрачные настроения царят в Нарнии, оказавшейся под игом лже-Аслана: многим её жителям начинает казаться, что «*if we had died before today we should have been happy*» [14, p. 679]. / «Если бы мы умерли раньше, мы были бы счастливы» [5, с. 729]. Момент суда Аслана в конце нарнийской истории перекликается с притчей об отделении «овец от козлов» на Божьем Суде [12, с. 90-91], хотя Аслан не выносит приговора тем, кто не сохранил ему верности. Более того – он не произносит ни слова упрёка или осуждения в их адрес, да и вообще не произносит ни слова за всё время суда. Но представшие пред ним сами встают справа или слева от Аслана в зависимости от собственного внутреннего состояния: «*And when some looked, the expression of their faces changed terribly - it was fear and hatred <...>. And all the creatures who looked at Aslan in that way swerved to their right, his left, and disappeared into his huge black shadow, which <...> streamed away to the left of the doorway. The children never saw them again. But the others looked in the face of Aslan and loved him, though some of them were very frightened at the same time. And all these came in at the Door, in on Aslan's right*» [14, p. 751]. / «У некоторых лица менялись поразительно: их искажали страх и ненависть, но – лишь на долю секунды. <...>. И все, кто так глядел на Аслана, шли направо (влево от него) и исчезали в его огромной чёрной тени – она, как вы помните, простиралась слева от Двери. Больше дети их не видели. Другие же глядели в лицо Аслану с любовью, хотя многие при этом ужасно боялись. И все они проходили в Дверь, справа от Аслана» [5, с. 816]. Здесь явно прослеживается намёк на идею, распространённую среди отцов христианской Церкви: в соответствии с ней, не Бог отправляет человека на вечную муку, но сам он обрекает себя на страдание, отпадая от Творца по своей воле. Об этом впоследствии Льюис уже открыто скажет в книге «Размышления о псалмах»: «*Когда же –рай– понимают не как единение с Богом, –ад– – не отвержение от Него, вера в будущую жизнь – злое суеверие*» [6, с. 45]. По его мысли, «двери ада заперты изнутри», и разница в вечной участи людей на Суде будет зависеть не столько от любящего Бога, Который не может быть жесток к Своим созданиям, сколько от того, живёт ли в их сердце любовь или ненависть. Иными словами, перед нами свидетельство «сознательного, совершенно неформального, нетрадиционного использования мифа (не формы, а его духа)» [7, с. 215], приобретающего «характер самостоятельного поэтического мифотворчества», причём эта характеристика относится не только к эпизоду суда, но и к примерам, рассмотренным ранее.

Символично, что финал «Последней битвы», при всём обилии описанных в ней ужасов, – радостен: за гибелью Нарнии прежней следует рождение Новой Нарнии, очищенной, преображённой и «восстановленной в своей изначальной славе» [9, с. 73], которая оказывается «*a deeper country, where every rock and flower and blade of grass looked as if it meant more*» [14, p. 760]. / «гораздо весомей: каждый камень, цветок или кустик травы казался как-то значительнее» [5, с. 827]. В глазах автора это оказывается важнее всех предыдущих страданий и смертей и потому исполнено необыкновенного величия и ликования. Такая расстановка акцентов аналогична содержащейся в текстах Писания, где на первый план выступает пришествие и торжество Бога в мире, а не бедствия, его предвещавшие, на что красноречивее всего указывает финал «Откровения Св. Иоанна»: эта книга завершается отнюдь не надгробным плачем – напротив, её венчает торжественное описание «нового неба и новой земли», где «*смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет*», за которым следует ликующее «*Ей, гряди, Господи Иисусе!*» [12, с. 833-834, 838]. Так и создатель сказок о Нарнии устами одного из героев запрещает детям и их друзьям оплакивать Нарнию («*You need not mourn over Narnia, Lucy*» [14, p. 759]. / «Тебе не было нужды оплакивать Нарнию, Люси» [5, с. 826]) именно потому, что «*прежнее прошло*». Теперь им предстоит восхождение в Новую Нарнию, законы которой таковы, что в ней «*...no good thing is destroyed*» [14, p. 766] / «...ничто хорошее не пропадает» [5, с. 833], и потому чудесным образом сохраняется лучшее, что когда-либо было не только в Старой Нарнии, но и на земле. Так возникает ещё один интертекстуальный маркер, указывающий на глубинную связь с соответствующими священными текстами, на этот раз **на уровне идей**.

Итак, библейский эсхатологический миф входит в число наиболее известных, «осевых» прецедентных текстов. Именно от него отталкивается К. С. Льюис, рисуя грозную и величественную картину «Последней битвы» между силами добра и зла и конца истории. Рассмотренная сказка-хроника изобилует интертекстуальными включениями, которые проявляются в разных формах и на разных уровнях, определяя ключевые смысловые доминанты льюисовского текста и повышая степень его прецедентной плотности.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
2. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? // Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1998. 350 с.
3. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 62-75.
4. Кремнева А. В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста (на материале произведений Д. Стейнбека): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 30 с.
5. Льюис К. С. Последняя битва / пер. Е. Доброхотовой-Майковой // Льюис К. С. Хроники Нарнии. М.: Эксмо, 2011. С. 716-834.
6. Льюис К. С. Размышления о псалмах. М.: Эксмо, 2011. 138 с.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточ. лит., 2000. 331 с.
8. Мечковская Н. Б. Язык и религия: лекции по филологии и истории религий. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
9. Мирча Э. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010. 251 с.
10. Михновец Н. Г. Явление прецедентности: лингвистический и литературоведческий подходы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Т. 7. № 21-2. С. 41-50.
11. Новый англо-русский словарь. М.: Альта-Пресс, 2003. 893 с.
12. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа (в русском переводе). СПб.: Синодальная типография, 1892. 840 с.
13. Рыкунова И. Ю. Новозаветные притчи как интексты в художественной коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 33 с.
14. Lewis C. S. The Chronicles of Narnia. London: HarperCollins Publisher, 2011. 790 p.
15. Oxford dictionary of English, third edition. Oxford: Oxford University press, 2011. 2069 p.

BIBLICAL ESCHATOLOGICAL MYTH AS PRECEDENT TEXT IN FANTASTIC TALE “THE LAST BATTLE” BY C. S. LEWIS (FROM CYCLE “THE CHRONICLES OF NARNIA”)

Rodina Mariya Vyacheslavovna

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin
marija.marianna1987@yandex.ru*

The article is devoted to the study of biblical eschatological myth in the structure of the narration of the chronicles — “The Last Battle”, which is the final tale in the fantasy series — “The Chronicles of Narnia” by C. S. Lewis, and its influence on the formation of the deep meaning of this tale. The author analyzes the phenomenon of precedent character in the fairytale, and also highlights the intertextual connections markers that are present in Lewis’s text in different forms and at different levels.

Key words and phrases: precedent text; precedent phenomena; precedent situation; invariant; constant intext; axial texts; biblical eschatological myth; biblical motives and images.

УДК 81.42

Филологические науки

Статья раскрывает на материале политического интервью основные тенденции речевого поведения канцлера Германии Ангелы Меркель, описывает доминантные стратегии и тактики, позволяющие политику удерживать лидирующие позиции в стране, определяет аргументативные модели, языковые особенности и речевые маркеры, характерные для идиостиля политика.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; политический идиостиль; стратегии и тактики; речевые маркеры; аргументативные модели.

Сафина Римма Абельхаеровна, к. филол. н., доцент

Шарипова Астрид Вильфридовна, к. филол. н.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
rsafina@mail.ru; astrid-05@mail.ru*

СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ ВЛАСТИ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[©]

Политическая лингвистика является одним из наиболее перспективных направлений в современном языкознании, поскольку изучение механизмов воздействия политического слова представляет значительный